
**Российско-японские отношения в дореволюционную эпоху:
от настороженного соперничества к военному союзу**

Рецензия на монографию К. О. Саркисова «Россия и Япония.
Сто лет отношений (1817–1917)». М.: Олма Медиа Групп, 2015

Д. В. Стрельцов, С. В. Гришачев

В статье дается критический анализ монографии К.О. Саркисова «Россия и Япония. Сто лет отношений (1817–1917)». Особое внимание уделяется тем историческим обстоятельствам, которые предшествовали русско-японской войне 1904–1905 гг., а также последовавшему за ней сближению двух стран, которое достигло своего пика в 1916 г., когда был заключен полноценный военный союз. Актуальность монографии связана с подъемом в российско-японских отношениях, который повышает интерес к позитивному историческому опыту, накопленному в ходе их развития.

Ключевые слова: российско-японские отношения, Симодский трактат, Санкт-Петербургский договор 1975 года, русско-японская война, конвенция Извольский-Мотоно, Первая мировая война.

Любой, кто берется описывать историю ста или более лет, рискует попасть под огонь критики, если не даст убедительных ответов на вопрос о хронологических рамках своего исследования, а также о составе привлеченных источников. В этом смысле книга «Россия и Япония. Сто лет отношений (1817–1917)» – повод для разговора о вещах, простирающихся за пределы, обозначенные названием. Предлагаемая вниманию читателя книга претендует на то, чтобы рассказать о многих других обстоятельствах, которые определяли путь наших отношений с Японией в течение ста лет до русской революции.

Хронологические рамки новой книги – столетие. За точку отсчета взяты события 1810-х годов. И, тем не менее, большая часть текста посвящена событиям с середины XIX в. Рассказ по мере приближения к 1917 г. с каждой страницей становится все более подробным. Самая большая часть очерков посвящена 1890-м – 1910-м годам и, по видимому, это не случайно, ибо сама логика развития российско-японских отношений подсказывает такую композицию текста.

Вплоть до середины позапрошлого столетия связи, а точнее, контакты между русскими и японцами носили дискретный характер, они возникали от случая к случаю (при этом каждый из этих случаев является темой для создания хорошего приключенческого романа или сериала, чем нередко к всеобщему удовольствию пользуются российские и японские писатели и режиссеры). С момента же заключения Симодского

трактата 1855 г. начинается именно дипломатическая история. С этого времени Япония вовлекается в совершенно новую для нее систему международных отношений западного типа. Что же касается Российской империи, то ее и без того обширная дипломатия отныне с новой силой актуализируется в Восточной Азии.

Если говорить о событиях на рубеже XIX–XX вв., в частности о противостоянии двух стран в Маньчжурии, приведшем в итоге к русско-японской войне, то это уже многосторонний конфликт интересов, произошедший в рамках определенной иерархии международных связей, сложившихся в XIX в. и просуществовавший вплоть до Первой мировой войны. Таким образом, внешняя среда, обстоятельства, лежащие за пределами собственно двусторонних отношений, по мере приближения к Первой мировой войне все более и более оказывают воздействие на ход событий.

История дипломатии движется с циклическим повторением определенного сценария – зарождение, развитие и разрешение конфликта. Когда конфликт исчерпан (хуже, если это произошло в результате военного столкновения, лучше если этого удалось избежать с помощью переговоров), появляется новая реальность, в которой каждый из акторов игры определяет для себя новые задачи. В итоге возникает новая система интересов: новое соперничество, ведущее к формированию новых коалиций, и, наконец, вхождение в новый конфликт. Все межгосударственные союзы временны и, наоборот, никакая вражда между странами не может быть вечной. Сближение или расхождение сторон происходит в результате появления новых конкретных исторических потребностей. Их появление вызывает прагматическую потребность в поиске союзника. Как только прагматика из отношений уходит (или появляется), коалиция распадается (или создается). В рамках этого подхода и определяется смена парадигм во взаимоотношениях России и Японии на протяжении ста лет.

Если говорить об источниковой базе работы, то в книге в большом количестве задействованы документы, хранящиеся в российских архивах (АВПРИ, РГАВМФ, РГИА), а также обильно приводятся тексты японской дипломатии. Широко использованы мемуары действующих лиц и газетные публикации на русском, японском и английском языках.

По жанру книга носит очерковый характер. Она написана спокойным и нейтральным языком и читается довольно быстро, несмотря на внушительный объем – почти 700 страниц. Жанр очерка позволяет кратко коснуться уже известных и прежде неоднократно излагавшихся фактов, при этом более подробно остановится на малоизвестных или вовсе не известных прежде событиях.

Начало повествования связано с естественным и необратимым движением России на Восток. Автор апеллирует к понятию «духа», или «энергии», т. е. своеобразной цивилизационной силы, которая накап-

ливается, развивается или, напротив, выдыхается и исчезает. Она присутствует как внутренняя сила, взаимодействующая с внешней. В первой половине XIX в. в российской политике на Дальнем Востоке преобладает дух (или энергия) предпринимательства – экономические интересы Российско-американской компании: экспорт, главным образом, пушнины и импорт китайского чая. Тем временем изолированная и живущая за счет ресурсов внутренней энергии Япония отвергает первые российские запросы на контакт.

Ее открытие в середине 1850-х годов обычно приписывается американскому адмиралу Перри. В книге подробно рассказано о миссиях Е. В. Путятин и М. К. Перри, однако помимо общеизвестных фактов рассказ содержит довольно интересные детали, оживляющие и уточняющие канву событий. Так, например, в своем движении к Японии, когда корабли двух стран как-то попали даже в один и тот же шторм (двигаясь, правда, в разных направлениях), российский адмирал не пытался опередить американцев. Более того, считалось даже полезным, если американцы первыми пробьют брешь в глухой стене двухсотлетней изоляции. Перед нами пример прагматичного подхода – использовать энергию другой страны для достижения своих целей (с. 26, 27).

Это несколько не умаляет той роли, которую сыграл Путятин в открытии Японии. Автор приводит цитату из лондонской «Таймс», которая в апреле 1854 г., еще до подписания японо-американского договора и «открытия» Японии писала: «Несомненно, визит коммодора Перри в июле прошлого года (1853) ускорил это событие [открытие Японии], которое будет завершено, наверное, после его возвращения в Японию. Но фактическая заслуга в этом принадлежит русским, а не американцам... адмирал Путятин ... с успехом провел переговоры, без какого-либо ущерба национальному достоинству японцев и с таким результатом, который весь мир скорее готов был бы ожидать от практических республиканцев, чем от авторитарной России» (с. 70–71). Возможно, за этой формулировкой стоит извечная ревность англичан к американцам. Но так же трудно заподозрить журналистов «Таймс» в симпатиях к России: на тот момент Великобритания вела войну в Крыму.

В книге приводятся несколько малоизвестных историй из двусторонних отношений. Одна из таких историй произошла в царствование Александра II. Летом 1872 г. в Иокогаме японскими властями были освобождены и отправлены на родину 232 китайских кули. На работорговым судне «Мария Луз» из Макао, пришвартовавшемся в японском порту, их насильственно увозили в Перу для работы на плантациях. Это событие – первое серьезное испытание для молодого японского государства, после долгой самоизоляции вставшего на путь цивилизованных отношений с другими странами.

Протесты перуанского правительства, ссылавшегося на неподсудность иностранных судов японской юрисдикции, и контрактное право пере-

росли в международно-правовой кризис. Затянувшийся спор завершился обоюдным согласием передать дело на решение третейского судьи – главы иностранного государства. Выбор с согласия обеих сторон пал на российского императора. Вердикт царя был в пользу Японии, и вскоре в Петербурге японский посланник передал письмо императора Мэйдзи, в котором тот выражал восхищение решением российского монарха в пользу гуманизма и справедливости, а еще через какое-то время Александр II был награжден Большим императорским орденом Хризантемы под № 2 (первый принадлежал самому Мэйдзи) (с. 83).

Решение российского царя по делу перуанского судна «Мария Луз» по времени совпало с подписанием в 1875 г. в Петербурге договора об обмене части Курильских островов, принадлежавших России на Сахалин, который до того оставался неразделенным. Оставим в стороне вопрос о политической случайности (или неслучайности) императорского решения в японо-перуанском споре, но согласимся, что в конечном счете оно способствовало гуманистическому исходу дела.

Что же касается Санкт-Петербургского трактата, то предыстория его подписания дана в подробном изложении и представлена все же как компромисс для обеих сторон, устроивший и Россию, и Японию на длительный срок. Этот документ, с одной стороны, завершал двадцатилетний период дискуссий по вопросу о проведении границы, с другой стороны, он прослужил основным документом, обеспечившим стабильное сосуществование на последующие двадцать лет.

Мирная и спокойная обстановка в двусторонних отношениях сменялась на острое соперничество держав в Корее. В книге корейская проблема дана в динамике ее развития – с зарождения в 70-е годы XIX столетия, через острые столкновения интересов США, Англии, Франции и Японии в 80-е годы, достигших кульминации в 90-е, когда в борьбу включился Китай, бывший до этого ее формальным сюзереном.

По мнению автора интерес к Корее, к ее портам, проливам и выходу в Восточно-Китайское море и далее в Индийский океан в России усиливался по мере развития Владивостока и превращения его в базу Тихоокеанского флота. Стоит упомянуть, что на тот момент прокладку дальневосточного участка дороги предполагалось осуществить вдоль р. Амур и р. Уссури. Идея проникновения в Маньчжурию и проведение пути через территорию Цинской империи возникнет позже.

Во Владивостоке в церемонии закладки первого рельса дороги должен был принимать участие наследник российского престола великий князь Николай Александрович, прибывший сюда из Японии. Визит цесаревича в Японию и инцидент в Оцу хорошо знаком по многим источникам. Он был прерван фактически на пороге древней японской столицы, Киото, где все было готово к торжественному приему. И конечно этот инцидент не мог не сказаться на атмосфере двусторонних

отношений, несмотря на многочисленные извинения японских официальных лиц, простого народа, а также поведение самого императора Мэйдзи, находившегося рядом с цесаревичем все дни до отплытия русской эскадры. Александр III все же приказал сыну вернуться без промедления, скорее всего, под влиянием отрицательного отношения к этому российского посланника Шевича (с. 127, 128, 133).

«Великий сибирский путь», на церемонию открытия которого торопился престолонаследник, со временем неизбежно менял баланс сил. Было очевидно, что и Япония, и Российская империя стремятся усилить свое присутствие в регионе. Но в планах Японии Корея играла особую роль. Начиная еще с 1870-х годов она становится объектом потенциального поглощения, которое в силу обстоятельств было отложено. Смута в самой Корее в начале 1890-х годов окончательно подвигла японских политиков к активным действиям. Случившаяся в дальнейшем японо-китайская война стала ключевым моментом в эволюции международной обстановки в последующие годы. Большинство историков сходятся в том, что тройственный демарш России, Германии и Франции и позднее русская аренда Порт-Артура и Дальнего считается первопричиной русско-японской войны.

Автор высказывает следующую мысль: с российским водворением на Ляодунском полуострове Япония, возможно, примирилась бы, но события вокруг Кореи были восприняты чрезвычайно болезненно. Япония стала опасаться, что и Корея тоже может быть вовлечена в орбиту российского влияния. Эти опасения привели к зверскому убийству в сентября 1895 г. японцами корейской королевы Мин, которая занимала пророссийскую позицию.

Вскоре на какое-то время установилось равновесие двух сил, зафиксированное в соглашении от 25 апреля 1898 г. Оно гарантировало невмешательство России (как и Японии) во внутренние дела на полуострове. Но это состояние продолжалось недолго. В Китае началось восстание ихэтуаней, на подавление которого иностранные державы послали свои войска.

Возможный захват всей Маньчжурии, в отличие от Порт-Артура, не на шутку взволновал японцев. К тому же вскоре начались контакты русских с корейским королем по поводу лесной концессии на пограничной реке Ялу. Японские политики в этом видели не что иное, как продвижение российской экспансии уже на Корейский полуостров. Перипетии дипломатических маневров в попытках достичь взаимоприемлемого компромисса по Корее и избежать военного столкновения двух стран занимают особое место в книге. Здесь подробно описан процесс сползания двух стран к войне.

В книге довольно обстоятельно описан визит самого влиятельного японского политика тех лет – Ито Хиробуми в конце ноября и начале

декабря 1901 г. в Петербург в попытках задержать подписание в феврале следующего года англо-японского соглашения или переработать его содержание (с. 203–232). Именно тогда, как и несколькими годами ранее, японской стороной был предложен компромисс, который в общих чертах сводился к идее размена Маньчжурии и Кореи как сфер влияния. Но переговоры заходили в тупик в силу отсутствия у российского руководства консолидированного решения. И хотя у некоторых представителей политической верхушки имелись компромиссные решения, время играло против них.

В книге также подробно описаны дискуссии о необходимости вступления в войну в обеих странах. По мнению автора, деление на «партию мира» и «партию войны» в Японии, условно. Военное соперничество с одной из европейских держав могло привести к поражению, а в случае успеха результаты могли оказаться мизерными. Но одни считали, что можно договориться и ради этого пойти на любые приемлемые уступки, а другие в это не верили, убеждая своих оппонентов, что компромисс нереален. Но уходящее время и отсутствие прогресса в переговорах склоняло к активным действиям.

Степень несбалансированности механизма принятия решений российской политической верхушки была чрезвычайно велика. У Николая II не было политической воли его отца, что вело к дипломатическому коллапсу. Достаточно сказать, что в момент, когда по его приказу для ответа на последние японские предложения было проведено Особое совещание (28 января 1904 г.), он вместо участия в нем отправился в Александринский театр смотреть пьесу.

Война привела к трагическому завершению одного сценария, но одновременно ее итоги стали началом нового. Логика нового витка взаимоотношений показывала теперь необходимость сближения. Скорость восстановления отношений и сближения просто поражает. Новый японский посланник прибыл в Петербург уже 9 марта 1906 г. Его полномочия в виде исключения, крайне редкого в дипломатической практике, были признаны сразу же, не дожидаясь вручения верительных грамот, которые запаздывали из Токио. Российский же император на аудиенции 22 марта произнес в присутствии Мотоно Итиро следующие слова: «Во время войны мы воевали друг с другом как честные и благородные противники, и я хотел бы, чтобы и теперь мы стали друг для друга честными и истинными товарищами» (с. 345).

В период вплоть до конца монархии в России между двумя странами были заключены три конвенции, которые шаг за шагом двигали их к четвертой: от 3 июля 1916 г., носившей характер политического и военного союза. В рецензируемой работе очень подробно рассматривается история заключения всех этих соглашений. Первая конвенция 1907 г. – инициатива нового российского министра А. П. Извольского, которому

удалось добиться, как отмечает автор, «синергетического эффекта». Используя заинтересованность Лондона в сближении с Россией, он поставил предварительным условием заключение соглашения России с Японией (с. 346). Конвенция фиксировала статус-кво в двусторонних отношениях. В открытой части она декларировала уважение территориальной целостности друг друга и их прав в Китае, в секретной – уважение специальных прав друг друга в Маньчжурии, Корее и Монголии. Логика всех действий была очевидна – в Европе назревал конфликт Англии и Франции с Германией и Австро-Венгрией. После некоторых колебаний царя Россия приняла англо-французскую сторону.

В дни, когда Извольский и Мотоно окончательно согласовывали текст первой конвенции, решалась судьба Кореи. Неудачная попытка Сеула апеллировать к мировому сообществу на 2-й Гаагской мирной конференции закончилась отставкой Коджона и введением японского контроля теперь уже и над внутренними делами королевства. В книге затронута деликатная для японо-корейской историографии тема интерпретации роли Ито Хиробуми, первого резидент-губернатора Кореи, пытавшегося реализовать свой план «мягкого управления» народом с укоренившимися и постоянно усиливавшимися антияпонскими настроениями.

Усилия ничего не дали, сопротивление японскому режиму возрастало, и Ито вынужден был покинуть свой пост. Тем временем фокус японской политики и двусторонних отношений сместился в сторону Китая, в котором Ито с его острым политическим чутьем предвидел наступление революционных перемен. Узнав от Мотоно о планировавшейся поездке министра финансов Коковцова на Дальний Восток, японское правительство в октябре 1909 г. снарядило престарелого политика в поездку для встречи с российским министром в Харбине.

И опять приводятся отзывы российской прессы, на сей раз – на смерть Ито Хиробуми. Патетика газетных строк удивительным образом совпадает с установками российской дипломатии в отношении Японии, как будто они адресованы не российскому, а японскому читателю: «Конечно, японское иго тяжело, но вопрос, не тяжелее ли было для народных масс [Кореи] господство корейских мандаринов... Смерть этого гуманного и просвещенного деятеля составляет незаменимую утрату для самой Кореи... Япония теряет в Ито своего величайшего государственного человека... Россия теряет в Ито одного из немногих искренних своих друзей, который всегда горячо стоял за мирное разрешение всех недоразумений между Японией и Россией... Наше поколение едва ли в состоянии должным образом оценить значение Ито: дела этого гениального японца еще не успели принести всех своих плодов...» (с. 397).

Курс на сближение с Россией становится в Японии уже единым. Результатом стала вторая конвенция 1910 г. Встревоженные активностью

США в железнодорожных предприятиях в Китае и все более заметными признаками грядущих революционных перемен в этой стране, Япония и Россия договорились о сотрудничестве, чтобы не допустить ущемления своих интересов ни новым режимом китайской империи, каким бы он ни был, ни любой другой третьей страной. Перемены в Китае не заставили себя ждать. Уже через год грянула антимонархическая революция, на многие годы ввергшая страну в хаос и разрушительное противостояние враждующих сил. В книге много внимания уделяется китайской революции, взгляд на которую осуществляется через призму российско-японских отношений, спорам вокруг признания первой республики в Азии и предоставления ей кредитов, российско-китайским противоречиям относительно автономии Внешней Монголии.

Надо сказать, что сближение двух держав в этот период опять-таки носило отпечаток взимовыгодной прагматики, которая осложняла жизнь собственно Китая. На начальном этапе революции в Китае дипломаты Петербурга и Токио стали прикидывать возможность аннексии тех кусков бывшей цинской империи – Монголии и Маньчжурии.

По мере обострения конфликта в Европе, переросшего в мировую войну, Россия все больше была заинтересована в таких отношениях с Японией, которые бы обеспечивали защиту ее интересов на Дальнем Востоке. Для этого в первую очередь нужно было разграничить их с японскими. В этом была суть японских предложений по третьей по счету конвенции. Российский МИД с готовностью откликается на них. Весь процесс переговоров демонстрировал высокий уровень взаимопонимания, хотя не все шло гладко. Япония отказывалась признать Илийский край (часть Синьцзяна в Западном Китае) сферой российских интересов, ссылаясь, что он не входит в сферу взаимных интересов, ожидаемую негативную реакцию Англии и Франции, а также опасность цепной реакции распада всего Китая. Не помогла и готовность Сазонова взамен признать «другие части» Китая (провинцию Фуцзянь, расположенную напротив Тайваня) сферой японских интересов (с. 478).

Но любые нестыковки или разногласия преодолеваются благодаря сильной политической воле, которая в свою очередь складывалась из обстоятельств, властно требовавших компромисса. Новая конвенция, в отличие от предыдущих целиком секретная, была подписана 8 июля 1912 г. и, по оценке «Таймс», стала возможной благодаря четкому взаимопониманию двух стран в отношении своих интересов в Китае и по своему значению для баланса сил на Дальнем Востоке уступала лишь англо-японскому союзу (с. 481).

Участие Японии в Первой мировой войне – особенно интересный сюжет. Удаленность от европейского театра боевых действий и заинтересованность союзников в поставках оружия и боеприпасов сделали

положение Японии в годы войны очень выгодным. У Японии не было серьезных причин воевать с Германией, кроме одной – союза с Англией, который, тем не менее, ее к этому не обязывал. Из переписки между Лондоном и Токио в первые дни августа 1914 г. видно, что поначалу правительство Англии не собиралось просить Японию о помощи, и Токио относился к этому индифферентно. Но все поменялось довольно быстро. В конечном счете, несмотря на отзыв Англией ее просьбы об ограниченном участии (только военно-морские операции), Япония без формального одобрения союзной Англии объявила войну Германии на воде и на суше.

Подробности быстротечной осады и взятия немецкой крепости Циндао довольно хорошо известны, но в данном случае есть интересная деталь. Костяк японского флота в этой экспедиции составили русские корабли – плененные или затопленные и позже поднятые со дна в годы русско-японской войны. Флагманом японской эскадры был броненосец «Суо» («Победа»). В эскадру также входили «Танго» («Полтава»), «Ивами» («Орел»), «Мисима» («Сенявин») и др. (с. 540).

Действия японцев при осаде Циндао повлекли любопытные размышления, особенно в русской прессе. Так, например, газета «Новое время» поместила следующую оценку произошедшему: «Германия получила по заслугам. Своим захватом под ничтожным предлогом Циндао и Шаньдунского полуострова она спровоцировала Россию на захват Порт-Артура и Ляодунского полуострова, чтобы отвлечь ее внимание и ресурсы с Балкан и Ближнего Востока. Ввергнув в авантюру на Дальнем Востоке, она поссорила Россию с Японией и Китаем, навредила на нее Англию и США... Все это теперь вспоминается как кошмар, от которого мы, наконец, пришли в себя» (с. 553).

Это немного странное суждение помогает понять, как в публичном пространстве происходит оценка недавнего прошлого в условиях новой политической конъюнктуры: новое соперничество, новые коалиции, новый конфликт...

Еще одна тема, которая в последнее время успешно осваивается современными исследователями, – сотрудничество России и Японии в годы Первой мировой войны. В книге К. О. Саркисова также дан анализ этой темы.

Острый дефицит в российской армии винтовок, патронов, артиллерийских орудий и многого другого был одной из важнейших проблем царского правительства. Поэтому был заключен контракт с японской стороной на поставки 300 тыс. ружей старого образца. Однако переговоры о значительно больших объемах проходили с трудом, так как военные были против. Тема стала настолько актуальной, что к переговорам в 1915 г. подключились даже британские дипломаты (с. 594). В результате длительных переговоров военное министерство Японии согласилось передать из своих запасов еще 150 тыс. винтовок.

Еще один любопытный эпизод времен Первой мировой войны – это японские добровольцы в российской армии. Несколько сотен японцев изъявили желание отправиться на фронт. Некоторые из них проживали в самой Японии, однако были и такие, кто своим местом пребывания когда-то выбрал Маньчжурию или даже российский Дальний Восток – Амурскую и Приамурскую области.

В мае 1915 г. японские газеты сообщали о награждении одного из японских добровольцев Георгиевским крестом. Во второй половине 1915 г. и в начале 1916 г. появлялись сведения о погибших в боях японцах. Участие японцев в боях в Европе – событие скорее символическое. Сколь бы то ни было серьезного воздействия на события 1914–1918 гг. оно, разумеется, не оказало. Случаи, описанные в данной книге, это только начало, подход к теме. В качестве источников к этой главе использованы в основном материалы прессы – российской и японской. Но в дальнейшем было бы интересно установить (там где это возможно), как сложились судьбы конкретных людей до войны, непосредственно на фронте и после окончания боевых действий. Что толкало людей на войну на другом краю света? Симпатия к русским? Материальные причины? Личная неустроенность? Эта тема еще ждет исследовательского продолжения.

Последняя глава книги посвящена русско-японскому военному союзу, заключенному 3 июля 1916 г. В этом году ему исполняется сто лет – пик двусторонних отношений за столетие. В книге шаг за шагом прослеживается путь к нему и непростые переговоры по всем его пунктам. Впервые две страны фактически стали военными союзниками. Такого уровня пересечения взаимных интересов у России и Японии, пожалуй, не было ни до, ни после. Правда, стоит оговориться, что степень взаимного сближения (особенно сейчас) трудно измерять шкалой, высшей точкой на которой обозначен взаимный военный интерес. Век военных или военизированных империй уже прошел, поэтому на первом месте сейчас стоят не военные интересы сторон, а вопрос о безопасности.

С момента, на котором заканчивается повествование, и до нынешнего момента прошло еще почти сто лет. За прошедшее время в международных отношениях не раз менялись парадигмы, Япония и Россия становились то партнерами по двусторонним соглашениям, то противниками в политическом и военном противостоянии. Символично, что завершается эпоха заключением полноценного военного союза – событием, позволившим нашим странам в корне переоценить значение друг друга для собственных национальных интересов. Во многом опыт этого противоречивого и насыщенного событиями столетия, заложившего основы наших отношений с Японией на долгую перспективу, востребован и сегодня.

Российско-японские отношения сейчас находятся на подъеме. Интенсивность политических контактов между лидерами двух стран дос-

тигла беспрецедентного уровня, на повестке дня стоит заключение мирного договора. Это подстегивает интерес к тому позитивному историческому багажу, который был накоплен в наших связях за более чем два века их развития. К тому же на 2016 год, когда вышла эта книга, приходится несколько значимых дат: и столетний юбилей договора 1916 г., и шестидесятилетний юбилей совместной декларации 1956 г. Возможно, этот год станет новой вехой, которая ознаменует рождение качественно новой эпохи в наших взаимоотношениях со Страной восходящего солнца.